

Георгий Голубенко

Онегин на мотороллере

Посвящается Николаю Огреничу

И кто только не руководил Одесским оперным театром в советские времена. Однажды директором этого театра был назначен товарищ Одинокоев, который до этого долгие годы был начальником одесской тюрьмы.

Через несколько недель он собрал коллектив театра и, как утверждают очевидцы, сказал им примерно следующее: «Ну что же, я посмотрел некоторые ваши спектакли. К ним у меня особых претензий нет. Тем более что я в этом мало что понимаю. Но вот когда зрители в перерыве выходят на прогулку... Возникают вопросы. Движение по коридорам не организовано. Входы и выходы из театра практически не охраняются. Не случайно, когда я подсчитал количество людей, которые пришли на спектакль, и количество тех, кто остался после перерыва, не хватило 25 человек. Не знаю как у вас, но на моей прежней службе это называлось «коллективный побег». Конечно, мы не можем установить вооруженную охрану по периметру нашего здания, но мы должны заставить каким-то образом нашу публику отсидеть на спектакле полный срок. Так сказать, отмотать его от звонка до звонка».

Вообще, задача, как привлечь публику на спектакль, а тем более удержать ее там, стояла перед руководителями театров везде и во все времена. Об одном из способов ее решения мне рассказывал замечательный одесский певец Николай Огренич. Тогда он только что получил Гран-при на конкурсе Чайковского и стал известным на весь мир. Его стали приглашать в другие страны, и первым, кто его пригласил, была Немецкая национальная опера.

– У вас волшебный тенор, – сказал ему импресарио немецкого театра. – Мы предлагаем вам спеть партию Онегина. Поете вы, конечно же, замечательно. Но для нашего спектакля не менее важно, так же ли хорошо вы умеете ездить на мотороллере...

– А мотороллер тут при чем? – удивился Коля.

– Видите ли, мы стараемся осовременить классические спектакли. Сделать их более свежими, оригинальными. В общем, по режиссерскому замыслу Онегин у нас приезжает на свидание к Татьяне на мотороллере.

– Вообще-то, я никогда не пробовал, – замялся Коля.

– Тогда есть другой вариант, – не сдавался импресарио. – Вы можете прискакать на коне. А что? Дело происходит в усадьбе Татьяны Лариной. XIX век. Так что конь под вами, то есть под молодым баринном, может выглядеть даже еще более естественно, чем мотороллер или моторная лодка. Правда, тут есть одна проблема: конь у нас довольно старый, и он иногда прямо на сцене... Как бы вам это сказать?.. Ну знаете, у нас в Европе есть такая скульптура, называется «Писающий мальчик». В общем, с нашим конем иногда во время спектакля происходит то же самое. Но пусть вас это совершенно не волнует. Наша публика привыкла и не обращает внимания. Вообще, мы, немцы, относимся к естественным проявлениям живого организма не так, как вы, русские. Мы считаем, что все, что естественно, все прекрасно. А согласитесь: искусство призвано воспевать истинно прекрасное!..

– Вы имеете в виду писающих лошадей? – спросил Коля.

– Тогда вернемся к мотороллеру, – не сдавался импресарио.

– Неделю я тренировался, – рассказывал Николай, – и в конце концов выехал на свидание к Татьяне на мотороллере. Раздались аплодисменты. Я скромно раскланялся. Но тут оказалось, что аплодируют не только мне. Я поднял глаза и к ужасу своему увидел, что из противоположной кулисы Татьяна выехала на свидание к Онегину на том самом коне, о котором мне рассказывал импресарио. Ну что мне оставалось делать! Я запел знаменитую онегинскую арию. Уже потом я понял, что публика, наверное, очень недоумевает, почему это Онегин, исполняя пушкинские

строки: «Учитесь властвовать собою, не всякий вас, как я, поймет», – обращается не столько к Татьяне, которая в письме первая призналась ему в любви, сколько почему-то к ее коню. Как бы призывая и его по возможности держать себя в руках, то есть в копытах, и зачем-то постоянно заглядывая ему под брюхо. Но конь держался молодцом. Он мирно пощипывал бутафорскую травку и, казалось бы, совершенно не собирался подражать какому-то там «Писающему мальчику».

«Ну, слава тебе Господи, – думал Коля. – Уже скоро конец. Все! Осталась одна нота. Последняя!» Он набрал полную грудь воздуха, чтобы исполнить этот свой фирменный высоченный непревзойденный си бемоль. Но в этот момент конь тоже набрал полную грудь воздуха, повернулся хвостом к публике и не просто последовал примеру «Писающего мальчика», а совершил нечто, совсем уже непотребное... Зал взорвался аплодисментами.

Я не знаю, происходила ли эта история на самом деле, или Коля ее просто придумал, чтобы развлечь нашу компанию. Он, как и все настоящие артисты, обожал веселые розыгрыши, актерские байки, рассказывал их с большим мастерством. Но прежде всего, конечно, он был великим певцом.

Несколько лет назад, когда Коли уже не было с нами, один американский миллионер в Нью-Йорке, совершенно помешанный на гениальных певцах, показывал мне свою полную коллекцию лучших теноров мира. Это были платиновые диски с золотыми портретами каждого из артистов. Всего двадцать дисков.

– Их я считаю лучшими. За всю историю оперной музыки, – сказал коллекционер.

Я начал приглядываться. Конечно, здесь были и Карузо, и Паваротти, и Пласидо Доминго, и... – минуточку! – чуть ли не закричал я, приглядевшись к одному из золотых портретов, – это же Коля Огренич. Когда-то я вместе с ним сидел чуть ли не за одной партией в Одесском музыкальном училище.

– О, да! – подтвердил коллекционер. – Огренич! Он был одним из самых великих. Тембр его голоса нельзя спутать ни с кем!

И это была чистая правда. В голосе Коли Огренича, родившегося неподалеку от Одессы, в райцентре Ивановка, было

какое-то поразительное прикосновение к вечности, которое заставляло замирать сердца людей во всем мире. Сердца всех, кто его слушал, слушает и будет слушать всегда. И пока такие певцы будут на сцене, театры всегда будут переполнены. И никаких велосипедов, и тем более мотороллеров тут изобретать не нужно.

Из архива писателя

